

Описанным аналитическим конструкциям с глаголами "идти", "нести" диалектной группы сюсюкум закономерно соответствуют синтетические формы с видовым показателем -шпъ групп шешкум и чумылькуп селькупского языка. (Примеры взяты из 47-го т.), ср.:

Сунг.

Саг.

- 1. по: чагыл'е ча:жин "дерево засыхает" (с.47);
- 2. м'е дедалаутте кажы т'ел ковыл'е ча:жата "наша деревня каждый день богатеет" (с.112)
- 1. по: чаг'ешпа "дерево засыхает" (с. 77);
- 2. м'инал е:т кажнал ч'ел ко:вешпа "наша деревня каждый день богатеет" (с. 208)

Кроме рассмотренных нами двучленных аналитических конструкций, зафиксированы в полевых материалах и трехчленные аналитические конструкции с глаголами "идти", "нести", включающие в качестве своего компонента деепричастие от глагола "кончить". Эти конструкции указывают на процессуальность, близкую к развяке. Трехчленным аналитическим образованиям с глаголами "идти" "нести" диалектной группы сюсюкум соответствуют двучленные аналитические образования групп шешкум и чумылькуп, например:

Сунг.

Саг.

- 1. чобър м'уз'ел'е малчил'е ча:жин т'ан квалынджил'е убер'енджаутт "ягода доспевает, скоро начнем собирать" (с. 89);
- 2. ваджь м'уз'ел'е малчил'е ча:джин "мясо доваривается" (с. 96);
- 3. теп квелым абл'е малчил'е та:дърът "он рыбу доедает" (с.85);
- 4. мат андым м'е:л'е малчил'е та:дерау "я лодку доделываю" (с. 118)
- 1. чобър мужл'е манджер'ешпат ч'ек вадешплу "ягода доспевает, скоро собирать будем" (с. 80);
- 2. квил мужел'е манджер'ешпат "рыба доваривается" (с. 11);
- 3. табь квелып абл'е манджер'ешпат "он рыбу доедает" (с.77);
- 4. мат андып м'е:л'е манджер'ешпап "я лодку доделываю" (с. 77)

Аналитические конструкции, обозначая процессуальность, вне контекста совсем не показывают соотношенности действия с актом коммуникации, поэтому в составе предложения вспомогательный

глагол уточняется с помощью тех же формантов времени, что и в синтетических формах, а вместе с тем - и вся конструкция, например, показателем прошедшего времени изъявительного наклонения -с: УО. в'ес' кулла кондеадът лампыламдат каптат окър куваннан пурул'е тшаджас "все люди спят, лампы свои потушили, у одного человека горела (лампа)" (36, с. 409); теп ти жең ессане орув'е чачас ессыгальк евъгалак "он был сирота и рос без отца и матери" (36, с. 136); ВЛ. кужан жезан кыбужоң жезыт табым квасе тадърьст олбънт нану: ко:гальк жеван "когда он был маленький, отец его по голове бил, поэтому он глухой стал" (с.13); Сунг. теп андым м'е:л'е та:дърьсть муномдъ пач'аннит амда т'у:ра "он лодку делал, палец свой порезал, сидит и плачет" (47, с. 105).

На основании вышеизложенного мы характеризуем аналитические конструкции с глаголами "идти", "нести" как видовременные, отмечая при этом, что сфера их употребления в селькупском языке ограничена диалектной группой сюсюкум.

А.И. Кузнецова
(Москва)

КАЛЕНДАРНЫЕ НАЗВАНИЯ В САМОДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Большой интерес с точки зрения этнолингвистики и типологии представляет лексическое поле календарных названий, занимающее особое место среди многих других лексических групп самодийских языков. Специфика этой группы слов связана прежде всего с тем, что устарели сами названия, хотя в них практически нет архаичных слов; они известны преимущественно представителям старшего поколения, да и то наполовину стерлись в их памяти, будучи вытесненными на практике латинскими названиями, пришедшими из

русского языка. Иными словами, изменилась сама система счисления времени у самодийцев. Старинные календарные названия в самодийских языках являются, в основном, сочетаниями слов, а не отдельными словами. Внутренняя мотивировка многих календарных наименований оказалась в большинстве случаев одинаковой для всех самодийских языков вообще.

Единого способа названия месяцев в самодийских языках нет, однако некоторое единообразие можно усмотреть в том, что почти все календарные названия мотивированы какими-то природными явлениями. В этих названиях отразились явления природы, животный мир, в меньшей мере - хозяйственная деятельность населения (шитье рукавиц, заготовка на зиму продуктов...), но в них не встречается ни одного названия, связанного с именами богов, с названиями обрядов, праздников; нет в них и числовых наименований, особенно широко распространенных в языках мира; не получили никакого отражения и названия небесных тел и т.д. Старинные календарные названия самодийцев несут большую информационную нагрузку. Начало года самодийцы определили по-разному и обычно не с января, а с весенних или осенних месяцев. Так, начало года в старой системе счисления времени тазовских селькупов, основанной на периодических явлениях природы, ведется с октября (возможно, со дня после дня осеннего равноденствия). У обских селькупов, по данным А.П. Дульзона, точкой отсчета служит, видимо, май. В самодийских языках деление года на месяцы, т.е. отрезки времени определенной (и не всегда одинаковой!) длины, называемые по каким-либо характерным признакам и приметам, не совпадает с делениями в европейских языках. Например, в ненецком языке носиндалава ирий "месяц охоты на песцов" по времени равен отрезку, находящемуся где-то с середины ноября до середины декабря; этому же периоду соответствует селькупское (таз.) название *порут qoqał iräty* "месяц большого пальца рукавицы"; селькупское *ričbat turył iräty* "месяц щучьей икры" совпадает с периодом середина мая (ближе к концу) - середина июня и др. Так же обстоит дело и в нганасанском языке, где, например, *s'iesus'aq kit'eda* "месяц с инеем" охватывает часть февраля и начало марта; *koly kit'eda*

"месяц рыбы (рыбной ловли)" соответствует периоду с конца июля до начала августа. Такое расхождение в системах счисления времени европейских и самодийских языков ведет к тому, что, с одной стороны, каждому из русских названий месяцев соответствует по два самодийских (например, селькупских) названия, приходящихся на первую и вторую половины месяца; с другой стороны, каждое селькупское название может быть переведено сразу двумя русскими наименованиями. Это обстоятельство обычно смущает информантов, затрудняющихся дать адекватный перевод селькупского календарного названия на русский язык. Отсюда - колебания при установлении соответствующего месяца русского и селькупского: например, месяц май 10 человек определили как *ričbat (qəlyt) turył iräty*, а 1 как *tökał iräty* "гусиный месяц"; апрель 8 человек идентифицировали как *tökał iräty*, а двое - как *lĩmry iräty* "орлиный месяц"; март 9 человек охарактеризовали как *lĩmry iräty*, а 1 - *kəry iräty* "вороний месяц", признанный большинством за февраль, и т.п. Контрольный опрос информантов (перевод с селькупского на русский) дал ту же картину: *tökał iräty* 8 человек определили как апрель, 2 - как май; *lĩmry iräty* 9 человек признали как март, два как апрель, один как февраль; для *kəry iräty* 6 человек установили соответствие с февралем, два - с мартом и т.п.

Косвенной проверкой правильности собранных материалов может служить сравнение с данными Кастрена. Возьмем, например, селькупский язык. На первый взгляд кажется, что все названия месяцев сильно изменились, однако внимательное рассмотрение показывает закономерность всех сдвигов: у Кастрена *šabegedil-ireäd* август, в наших материалах *сбрукытуł iräty* сентябрь; у Кастрена *šumbetšle-ireäd* сентябрь, сейчас *təttyp arsa iräty* октябрь. Аналогично: *kāptetšl-ireäd* октябрь, *qəpty šəly iräty* ноябрь; *kakal-ireäd* ноябрь, *порут qəqał iräty* декабрь; *kəšondəl-ireäd* декабрь, *kət šontyl iräty* январь; *kuera-ireäd* январь, *kəry iräty* февраль; *lĩmbi-ireäd* февраль, *lĩmry iräty* март и т.д. Из данных сопоставлений четко видно, что произошел сдвиг на один месяц. Это можно объяснить расхождением нового стиля с так называемым старым стилем, который был характерен для эпохи

настроена, и возможным различием в ориентации на первую половину месяца, а не на вторую, как это делается сейчас. Однако в настоящее время вся календарная система тазовских селькупов (как, впрочем, и остальных самодийцев) полностью устарела, заменилась русской системой счисления, а селькупские наименования - русскими календарными названиями.

Система календарных названий любого самодийского языка содержит более 12-ти названий месяцев. Так, селькупская (таз.) система календарных наименований включала более 30-ти названий, так как для каждого периода времени могла быть не одна, а несколько характерных примет. Например, май месяц назывался не только *pidšat tuɣɫ irätu* "месяц щушей икры", но и *lapat (qəlyt) tuɣɫ irätu* "месяц язевой (рыбьей) икры"; ноябрь - это не только *qoɣɫ ɔmtɯɫ ɔɫɣuɣɫ irätu* "месяц отпадения рогов оленей-самцов", но и *tšɫɫɣɫ irätu* "белкования месяц", *šoka irätu* "сучий месяц"; апрель - *tökal irätu* и *šəɾək irätu* "бурундучий месяц". Больше всего названий существует для июля (4): *wəɾɣu kəttu irätu* (основное название, судя по количеству ответов информантов) "месяц больших заготовок", *n'ɫɯɾäl irätu* "месяц мошки", *wəɾɣu irätu* "большой месяц", *taɣɫ ɕontɯɫ irätu* "месяц середины лета".

Та же картина наблюдается в энецком языке (диалект маду): например, сентябрь - это и *keo irio* "месяц грома", и *oɟuɟi irio* "листьев (падающих) месяц", и *uɟaj kōga irio* "месяц малого гона".

Среди самодийских названий месяцев многие связаны с фауной. В календарных названиях упоминаются не только млекопитающие, птицы, рыбы, насекомые, типичные для того или иного отрезка времени (гусиный, орлиный, вороний, комариный ... месяцы), но и закрепляются в названиях наиболее характерные события из жизни животных: отпадение рогов у оленя, чистка рогов, гон оленей, отел, нерест рыб. Широко распространена орнитологическая мотивация календарных названий, указывающая на время прилета птиц, например, орлиный месяц, гусиный, вороний, лебединый. Есть названия, в которых отразились явления природы - листопад, промерзание земли и появление на ней снежного покрова, длительность дня, сильно сокращающаяся в зимние месяцы, мороз и т.д.

Между календарными названиями селькупского, ненецкого, энецкого и иганасанского языков наблюдается большая близость. Это сходство наименований видно для следующих месяцев (иногда с расхождениями в датировках): селькупское (таз.) *ɫɪpɯ irätu* "орлиный месяц" (март) - селькупское (обск.) *ɫɪmɔkət irət* (апрель) - ненецкое лимбя' ирий (январь) - энецкое (бай) *ɫɪbi d'iri* (апр.); селькупское (таз.) *nəɫɣaɟ irätu* "комариный месяц" (июнь) - ненецкое *nenəɟ*, ирий (июль) - энецкое (бай) *nəpəɟ d'iri* (июль) - энецкое (маду) *nəpəɟo irio* (июль); селькупское (таз.) *tökäl irätu* "гусиный месяц" (апр.) - иганасанское *d'eptu kit'eda* (август); селькупское (таз.) *šəɾɣuɣɫɯɫ irätu* и *pšəšəɾu ɔɫɣuɣɫ irätu* "безлистный (падающих листьев) месяц" (сент.) - ненецкое *wəba' iri* и *wəba' xa'äm iri* (сент.) - энецкое (бай) *d'əb'eseše d'iri* (сент.) и др.

Есть совпадения и другого характера - не буквальные, а по способу мотивированности названий, например, август в селькупском (таз.) *wəntu irätu* "нельмин месяц", а в ненецком *ɟə' xadli' iri* "месяц омуля (морской рыбы)"; июль (одно из нескольких наименований) в селькупском (таз.) *nimɣäl irätu* "месяц мошки", а в ненецком (правда, это соответствует приблизительно июлю) - *piɫɯ* ирий "месяц оводов" (ср. также в энецком (маду) *kubš irio* "месяц оводов") и пр.

Внимательное прочтение календарных названий в самодийских языках знакомит нас, таким образом, с жизнью этих народов, с их "видением мира", позволяет найти общие черты, связывающие различные языки в одну языковую общность.